

Ирина Верехтина

12+

Другая реальность, или По ту сторону снов

Рассказы

Ирина Верехтина

**Другая реальность, или По ту
сторону снов. Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Верехтина И.

Другая реальность, или По ту сторону снов. Сборник рассказов /
И. Верехтина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сборник рассказов полумистического содержания. Написано на реальном фактическом материале. По ту сторону жизни, по ту сторону смерти, по ту сторону снов...

Содержание

Пряничный домик	5
Лосиный Остров	5
Предчувствие тайны	6
Дурные места	7
Домик из сказки	8
Шептунова топь	10
Знакомые глаза	12
По ту сторону	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Пряничный домик

Лосиный Остров

У каждого человека есть любимое увлечение, хобби, пунктик, бзик. Моим бзиком были лыжи. Каталась я на них лет, наверное, с трёх, потому что с четырёх уже прыгала с трамплина, через раз приземляясь на пятую точку. Мы жили в полчасе ходьбы от Лосиного острова, так что годам к десяти я могла проехать по нему с закрытыми глазами безлунной ночью: я знала каждую аллею и каждый поворот.

Лес называют зелёным морем. Лосиный Остров напоминал океан. Подступая вплотную к жилым домам на северо-востоке, он тянулся на запад – до Сокольников. Дальше не пускала Москва. Зато на востоке было раздолье: зеленые молчаливые волны перехлёстывали через кольцевую автодорогу и разливались безбрежным океаном до самого Болшева. В черте города, со стороны жилого массива Лосиный остров представлял собой лесопарк, нарезанный просеками на геометрически правильные квадраты. За кольцевой дорогой лес был другим – не притворялся пешеходной зоной, не предлагал присесть на лавочку, не изобиловал табличками с названиями просек. И обещал нечто неведомое. Таким, настоящим, он нравился мне гораздо больше.

Кататься одной за МКАД (московская кольцевая автодорога) мне строго запрещали родители, да и в лесопарке разрешали кататься не дальше лесничества, и каждый раз, проезжая мимо, я усмехалась: кто же узнает? И со спокойной совестью, то есть с полным её отсутствием, ехала дальше – чёрт знает куда! Но «настоящий лес» оставался мечтой. Два раза мечта сбылась – я нагло позволила себе «нелицензионный прокат» за МКАД, не в силах противиться чарам незнакомого маршрута. Не знаю, как я там не заблудилась...

Это так и осталось во мне – ожидание тайны, обещание чуда. Осталось до сих пор. И теперь, через годы, я каталась в лесу за кольцевой дорогой с чувством упоительного восторга и радостного холодка в груди. Я люблю кататься одна, чтобы только я и лес, компания мне не нужна.

Предчувствие тайны

Компания мне не нужна, маршрут я знала (выбрав его из многих и не сворачивая на пересекающие лыжную просеку – уведут неведомо куда) – по берёзовой аллее со свистом ветра в ушах и мельтешением морозно-белого, берёзово-морозного, берёзово-светлого... Потом по извилистому руслу речки с неизвестным мне названием (я назвала её – Петелька), укрытому пушистым снегом. Тепло ей под ним, наверное, вот и спит до весны, думала я, мчась по извилистому снежному коридору со снежными пологими стенами. И каждый раз удивлялась, когда начиналось поле – большое, как стадион, заросшее пушистыми метёлками неведомых цветов – подарок зиме от щедрого лета. Это было красиво – солнечно-светлый простор, солнечно-рыжее поле и перламутровый солнечный диск в холодно-голубом небе.

Воздух казался мне сладким, как мороженое, и я глотала его как мороженое – большими кусками. Солнце отражалось от слюдяного наста, распадаясь на миллиарды ослепительных искр. Ветер пах арбузной свежестью и пытался залезть под штормовку. Но мне не было холодно, от холода я умею убегать, согреваясь на ходу. Солнце гладило меня по щекам тёплыми лучами, и щекам было невыразимо приятно. Объехав поле по периметру, я возвращалась обратно по тому же маршруту, вполне довольная собой, наевшаяся–нахлебавшаяся вдосталь – солнцем, ветром, счастьем и свободой, которая уже не умещалась в сердце. В непреходящем ожидании тайны, которую лес не торопился мне открывать, но ведь когда-нибудь – откроет?

Дурные места

За кольцевой дорогой катались немногие: об этих местах ходила дурная слава. И убивали там, и в болоте тонули, и пропадали будто бы люди. Говорили – аномалия, патогенная зона, дурные места. Я не верила в эти выдумки. Людям свойственно лгать, вот и сочиняют сказки.

Мне нравилось кататься за кольцевой. Перейдёшь дорогу и попадёшь в настоящую тайгу, безлюдную, глухую, обманчиво-тихую. Но лыжня проложена – значит, катаются. А что не встретился никто – это хорошо, лыжню уступать не надо, можно ехать на хорошей скорости. Заблудиться здесь сложно, кольцевую дорогу слышно далеко, постоянный гул машин – отличный ориентир. Если не знаешь куда повернуть – выбери подходящую лыжню, и выедешь на МКАД.

В тот день с самого утра сыпал снег. Ближе к полудню изящно–прозрачные снежинки сменились пушистыми хлопьями, воздух загустел и наполнился снегом, и вместе с ним ступилось время, которое, говорят, не останавливается. Врут. Оно всё-таки остановилось, зачарованное снегопадом, замороженное, заколдованное, уснувшее.

Но – не я! Ослепшая от метели, я мчалась по незнакомой просеке, по проложенной кем-то лыжне, которая куда-нибудь да приведёт. Вы спросите, как я на ней оказалась, ведь сама говорила, что заблудиться здесь невозможно. Но я умудрилась заплутать: знакомая лыжня вдруг оказалась незнакомой. Повернула на шум дороги, который слышался со всех сторон – иногда метель играет такие вот шуточки... Резонирует, то ли? Хотя какой резонанс – снег наоборот глушит звуки... Ох, не знаю... И тут как нарочно повалил густой снег, лыжню засыпало мгновенно, я не успела удивиться, как оказалась одна в чистом поле. В лесу, то есть. Ни лыжни под ногами, ни просвета, даже машин не слышно – снег глушил звуки, опутывал белой тишиной, нашёптывал в уши: «Ш-шшш, тиш-шше, не спеш-шши, отдох-шшш-шни, подо-шшш-жди, слыш-шшь?»

«Чего мне ждать? – сказала я тишине. – Вернусь назад по старой лыжне, которую замело, но она всё равно есть. Да и просека знакомая, странно, что я её не узнаю». – «Шшшш...» – ответила тишина. Я решительно повернула назад... и минут через пять упёрлась в глухой забор зелёного цвета, который тянулся (или лучше сказать – простирался необозримо) вправо и влево. Но его же здесь раньше не было! Не было никакого забора!

Однако же – вот он. Я подошла к забору вплотную, зубами стащила с руки варежку и потрогала доски, которые оказались настоящими. Я ошалело уставилась на забор. По всем признакам, вдоль него бежала тропинка, а зимой лыжня, но – где же она? Лыжню замело фундаментально. Я развернулась прыжком, забыв, что мне нельзя этого делать, и поехала обратно, то есть, вперёд. То есть, куда шла (вопрос «куда?» остался открытым). Удивляясь собственному безрассудству. Впрочем, лыжня ведь была, и куда-то вела. Вот я и узнаю, куда.

Домик из сказки

Снегопад прекратился внезапно, так же, как и начался, – и вновь засияло солнце. Я стояла на залитой солнцем поляне и наблюдала, как мальчик лет восьми, покраснев от натуги, катил огромный шар – строил снежную крепость. Нижний ряд был почти закончен. Зачем он скатал такой большой, его же и двоим не поднять, как же он один?

За деревьями виднелся бревенчатый дом, нарядный, как пряничный домик из сказки братьев Гримм. Попутно вспомнив, что в сказке домик принадлежал ведьме, я неприлично обрадовалась: кто бы в нём ни жил, ясно одно – из леса я выберусь без проблем.

Мальчишка оторвался от своего занятия и помахал мне рукой. Я улыбнулась, вылезла из лыж, и упёрлась руками в снежный шар. – «Давай вместе?» Мальчик благодарно на меня посмотрел, и мы взялись за дело... Через полчаса мы оба выбились из сил, а на поляне возвышалась крепость с бойницами и угловыми круглыми башенками, украшенными «флажками» из еловых веток.

– Теперь её водой полить надо. Где у вас вода? – спросила я.

Мальчик неопределенно махнул рукой и задал встречный вопрос.

– А ты к нам насовсем или в гости? Тебя мама прислала?

– Нет, я... Я сама к тебе приехала, крепость строить.

– Ну, тогда пошли! – мальчуган потянул меня за руку к дому.

Дверь распахнулась и на крыльцо вышел мужчина, как две капли воды похожий на мальчика. Кивком поздоровавшись со мной, обратился к сыну:

– Митя, ты крепость закончил? К нам гости? Ты кого привёл?

– Пап, это Рита, она не насовсем, она к нам в гости, мы вместе крепость строили... – представил меня Митя с лучшей стороны.

– Мне, вообще-то, уже пора, – сказала я неуверенно, надеясь в глубине души, что меня пригласят в дом и напоят горячим чаем. Но мужчина решительно сошел с крыльца, и сделав несколько шагов, обернулся.

– Вам дорогу показать? Заблудились?

– Да, похоже что так. Я этот лес знаю, с детства на лыжах катаюсь, и никогда... а тут такая метель... Лыжню замело, я наверное свернула не туда, – пробормотала я, испытывая неловкость оттого, что отец Мити явно не собирался приглашать меня в дом. Боится он меня, что ли? Хотя – с чего ему меня бояться, меня можно только пожалеть – вся вываляна в снегу, варежки обледенели, штормовка намочена и заиндевела (зато свитер под ней остался сухим, это радовало), шапка из красной превратилась в белую, мокрая чёлка опустилась на глаза, щёки нажгло морозом и ветром.

Я подумала, что представляю собой жалкое зрелище и что в детстве, явившись домой в таком прискорбном виде, получила бы выволочку, а возможно и трёпку за «внешний вид», но детство кончилось, и теперь мне можно всё. Например, заблудиться одной в метели и промёрзнуть до костей. Вот интересно, как он будет меня жалеть?

Как выяснилось, жалеть меня, и уж тем более угощать чаем никто не собирался. Митя исчез в недрах пряничного домика, а его отец, видя что я не трогаюсь с места, присел на крыльцо и похлопал рукой по доскам, приглашая.

– Меня Олегом звать. Да вы садитесь!

Что ж, спасибо и на этом, устало подумала я, уселась на деревянные ступени и с наслаждением вытянула усталые ноги. Ступени были тёплыми. Не может быть! Или это мне кажется?

– Он всё мать ждёт, скучает по ней сильно, – словно нехотя вымолвил Олег, и я его не поняла. Если мальчик скучает по матери, то почему она не с ним, почему не приехала? Ведь сегодня воскресенье...

Олег покосился на Митю, который, вооружившись садовой лейкой, поливал снежные стены водой.

– Завтра схватит морозом, теперь долго простоит. Будет ему чем заняться. Снежков с ним наделаем, сражение устроим...

– А Митина мама? Она скоро придет?

– Нет, не скоро. Мы одни. Насти нет.

– Умерла... Как же вы теперь... одни, в лесу? – вырвалось у меня.

– Нет, просто она не с нами. Мы здесь, она там, – Олег неопределённо махнул рукой.

Кто же была эта женщина, бросившая ребёнка, который её так ждал и к которому она не придёт? – размышляла я по дороге домой. – «До забора доедете, повернёте налево, метров через триста он кончится, и там сориентируетесь, там слышно уже – шоссе» – объяснил Олег. В дом так и не пригласил, хотя разговаривал дружелюбно. О том, какая нынче снежная зима и как всё это будет весной таять... О том, какую крепость выстроили мы с его сынишкой, и как он будет в неё играть... Станный какой-то разговор. И человек странный. И смотрел с сожалением, ему явно не хотелось меня отпускать. Живёт на отшибе... Наверное, в лесничестве работает. А жена не захотела – жизнь в лесу прожить. Ушла. Только вот с Митей не получается. Не складывается...

Упёршись в зелёный забор, я свернула влево и скоро выехала на знакомую лыжню, которая – вот же она, и метель её не замела! Странно. Я никуда с неё не сворачивала, а получилось – свернула!

Придя домой, я сбросила насквозь промокшую штормовку и долго возилась с ботинками, на которых заledenели шнурки... И вспоминала краснощёкого милого мальчугана, который взял меня за руку и пригласил в гости: «А мама скоро придет? Ты не взяла её с собой? Ты к нам в гости или насовсем?»

Шептунова топь

Весной в лес не сунешься: тают снега, дороги превращаются в реки, а поляны в озёра... Я часто вспоминала Митю с Олегом, не могла забыть. Хотелось навестить мальчугана, с которым мы построили крепость, а потом лепили снежки-снаряды. Но дороги превратились в непролазную грязь, и ничего не оставалось, как ждать лета.

Я долго выбирала подарок и остановилась на красной пожарной машине с выдвижной лесенкой и сидящим в кабине шофером в красной каске. К кузову были подвешены на крошечных крючочках маленькие ярко-красные ведёрки для воды. Представив, как обрадуется Митя подарку, я купила два десятка солдатиков, укомплектовав таким образом – пожарную команду. Ещё я купила вафельный торт и шоколадку в красивой обёртке.

Шла знакомой дорогой и удивлялась, как странно выглядит лес – летом я не была здесь ни разу. Бывшая лыжня превратилась в лесную дорогу, густо перевитую выступающими узлами корней, через которые то и дело приходилось перешагивать. Зелёный забор исчез, словно его и не было. Наверное, я до него ещё не дошла, на лыжах ведь быстрее, чем пешком, да через корни перешагивать...

Успокаивая себя таким образом, я прибавила шаг, поскользнулась на мокрой земле и чуть не упала. Дорога превратилась в вязкую грязь, но я упрямо продвигалась вперёд, перепрыгивая с кочки на кочку и хватаясь за берёзовые стволы, холодные и влажные на ощупь. Мне вдруг стало не по себе: куда же я иду, дороги-то уже нет! Как же они здесь ходят, по колени в воде?

Да никто здесь не ходит, поняла я. И мне стало по-настоящему страшно. Но не зря говорят, что у страха глаза велики: мои расширились настолько, что я углядела неприметную тропинку, уходящую от дороги вглубь леса. Тропинка было относительно сухой, по ней ещё можно было идти. Минут через десять за деревьями мелькнул зелёный забор. Я облегчённо выдохнула и прибавила шаг. Дорогу от забора я помнила. Но радовалась я рано: вдоль забора тропка была утоптанная, а чуть дальше блестела вода – там начиналась топь. Как же идти дальше?

– Дальше не пройдёте, – ответил кто-то на мой невысказанный вопрос. От неожиданности я вздрогнула и оглянулась. За моей спиной открылась неприметная калитка, из которой вышел мужчина с топором, держа на поводке овчарку. Овчарка смотрела на меня умными глазами. Словно говорила: «Хозяин прав, дальше не пройдёшь, только лапы вымажешь. А то и по брюхо провалишься».

– Там дальше по пояс ухнуть можно, – подтвердил хозяин. – Если в бочажину наступить. Её под водой-то не видно... Топь шутить не любит, – строго сказал хозяин пса.

По его глазам я поняла, что если бы можно было, он бы надел на меня ошейник и пристегнул поводок, чтобы не лезла в топь – если своего ума нет. Но я не собиралась в топь, я собиралась – в гости. А там, куда надо было идти, клубился белёсый прозрачный туман. Болото парит, поняла я. А как же... Где же тогда – тот дом?

Вероятно, я произнесла это вслух – в глазах мужчины отразилось непонимание. Помедлив, он распахнул калитку.

– Проходите. А вы к кому?

– Нет, я не к вам, не сюда, я в гости... Мне надо туда, – показала я в сторону тумана. – Не подскажете, как туда пройти? Может, в обход?

– Там никто не живёт. Болото там, Шептунова топь до самого Болшева тянется, до торфоразработок. Топь страшная, даже летом не пройти, не высыхает. Живёт, значит, болото. Живое оно, говорят. И гостям завсегда радое, как войдёшь, не выпустит, – усмехнулся мужик. Господи, да за кого он меня принимает? За сумасшедшую? Похоже на то...

– Там дом стоит, на поляне. Бревенчатый, в два этажа. И люди живут, я зимой у них была, на лыжах здесь каталась.

– Вы что-то путаете. Может, не здесь катались? Мало в лесу зелёных заборов? Перепутали, наверное. Не ходили бы вы здесь, места здесь глухие, нехорошие. Гиблые места. Позапрошлым летом случилось тут... Отец с мальчишкой грибы собирали, ну и забрели на Шептуново болото... Леший в уши нашептал, ягодами да грибами заманил. Утопли оба, в болоте том. Оно ведь как бывает – увидел малец полянку зелёную, а за ней кочка с клюквой. Обрадовался, да через полянку эту, по траве пошёл... а трава-то расступилась!

– И что? – переспросила я, уже понимая – что.

– И – ничего. Утоп малец-то. Не трава это была, ряска болотная, а под ней трясина глубоченная. Отец-то спасти его кинулся, да куда там... Так и сгнули оба. И могилки нет. Столб поминальный им поставили, мать-то ходит... Поседела за один день. Она часто приходит. Гостинцы сыночку приносит. Восемь годков ему было, восемь всего. Митей звали.

– А где это? Столб этот – где?

– Тут недалече, – мужчина махнул рукой, попрощался и зашагал вдоль забора. Я проводила его взглядом и с замершим сердцем пошла в указанном направлении.

Знакомые глаза

Под старой раскидистой берёзой стоял деревянный грубо сколоченный поминальный крест с островерхой крышей. В траве были рассыпаны яблоки, на салфетке – горка леденцов. На столбе две фотографии в траурных рамках. Подойдя ближе, я ощутила противную слабость и дрожь в коленях: с фотографии на меня смотрели знакомые глаза под чёрными широкими бровями – Олег! С другой фотографии светло улыбался краснощёкий мальчуган.

– Митя, это я, Рита. Я пришла, как обещала. Ты меня помнишь? – прошептала я и погладила его по щеке. Вынула из сумки яркую коробку и поднесла к фотографии, словно он мог увидеть. – Вот, машинку тебе купила, смотри, какая красивая, и лесенка выдвигается, видишь? И шофёр в кабине сидит, настоящий пожарник, в каске, – бормотала я, доставая подарки и складывая их на траву. Мои руки дрожали.

Так вот кто встретил меня зимой! Показал мне дорогу. Не впустил в дом – иначе бы я не вернулась. Если бы меня впустили, если бы пригласили в гости (а ведь Митя меня пригласил!), я бы не вернулась, осталась бы с ними навсегда – пить чай с брусничным листом, слушать завывания вьюги за окнами, лепить во дворе снеговика и играть с забавным мальчуганом, у которого такая светлая улыбка и который до сих пор ждёт свою маму.

Меня нашли бы замёрзшей, в снегу. Или вовсе не нашли бы, кто меня будет искать? Некому. Меня давно уже некому искать... Может, надо было остаться с ними, и сейчас мы были бы втроём. Были бы втроём...

– Приходи к нам! – явственно услышала я тихий шёпот.

Шептунова топь звала, манила, обещала, обманывала.

Неумело перекрестившись, чего не делала никогда раньше, я бросила последний взгляд на фотографии и, кивнув на прощанье Олегу и Мите, поспешила прочь, убыстряя шаги и не оглядываясь.

По ту сторону

Маша вздохнула, просыпаясь, и открыла глаза. И растерялась от захлестнувшей её разноголосой волны звуков. Голоса звенели, звучали, разливались ручьём, рассыпались смехом, переплетались и звонким эхом улетали в небо – голубое, солнечное, безмятежное.

«Лето! Настоящее лето!» – радостно думала Маша. Она так давно не вставала с постели, что уже не помнила, какое оно – лето. И теперь с наслаждением вдыхала восхитительный, пахнувший свежестью воздух, в котором смешались запахи скошенной травы, нагретой солнцем земли и прибитой дождём дорожной пыли.

Маша с наслаждением вдохнула – ещё, и ещё раз, и ещё... И почувствовала мягкое прикосновение, словно кто-то невидимый целовал её ладонь. Маше стало щекотно, она сжала пальцы и улыбнулась. Здравствуй, лето!

– Коля!! Она пришла в себя! Она нас слышит! – вне себя от радости крикнула Марина. Николай на ватных ногах пошел к кровати. Нет, этого не может быть, не должно быть! Ей всего двенадцать, она не может умереть... Николай осторожно взял дочку безвольную руку – ту, которая не соединялась с капельницей холодно блестящей иглой, – и поцеловал в тёплую ладонь. Машины пальцы дрогнули и сжались, на губах заиграла улыбка. – Врач сотворил чудо... Кто там говорил, что чудес не бывает?..

Площадь была заполнена народом. «Бли-ин, где ж тут своих найдёшь!» – подумала Маша, растерянно оглядываясь по сторонам. Вокруг неё вокруг бурлил людской водоворот. Машу толкнули, извинились, и тут же наступили на ногу и больно пихнули локтем в рёбра. Маша открыла было рот... но у её обидчика было такое счастливое лицо и такие сияющие глаза, что возмущаться ей почему-то расхотелось. В уши вливалась радостная какофония звуков – вокруг гомонили, смеялись, ругались... Люди бестолково толклись и так же как Маша, растерянно озирались по сторонам. Окликали кого-то, и расталкивая толпу и радостно улыбаясь, спешили на зов... «Бли-ин, как на вокзале!»

– Ба-аа! Ты где? – на авось крикнула Маша в толпу и услышала бабушкин голос.

– Не ори, не дома. Привыкла, понимаешь, чуть чего не по тебе – в слёзы да в крик, а родители под твою дудку плясали, много позволяли, распустили девку вконец. У меня не забалуешь, я тебе мозги-то живо вправлю. Вставай! Разлегалась, понимаешь, середь белого дня... Домой поедем. – Машу ласково потянули за руку (ту, в которой не было иглы). – Там дедушка тебя заждался...

Маша с удивлением поняла, что лежит на столе (и откуда он тут взялся?). Она спустила на пол босые ноги и поёрзала ими, нашаривая тапочки. Вместо пола под ногами оказалась земля. Машины тапочки бесследно исчезли, как и одежда. Впрочем, платье на ней было – длинное, белое, ниспадающее широкими складками платье невесты! Маша потрогала складки. Пальцы нашупали прохладный цветочный стебель. – «Цветы! Настоящие! Бли-ин, я чё, замуж выхожу? И кто же жених?»

– Дак чё, мне одной ехать, а ты здесь останешься?

Маша покорно поднялась (ногам было мягко и немного щекотно) и поплелась следом за бабушкой. Она радовалась, что больше не надо ждать и что она наконец нашлась, и не обращала внимания на бабушкину воркотню. Миновав шумную, кипящую народом площадь, они вышли на улицу, которая оказалась странно безлюдной. Невдалеке стояла телега с запряжённой в неё серой в яблоках лошадей, которая показалась Маше знакомой...

Был у них в деревне такой же серый в яблоках жеребец. А мост старый, бревна подгнили, его бы разобрать да новый настелить, да – кому ж охота... А телега-то тяжёлая, мешки везли с

солью, нагрузили сколько поместилось... Брёвна и разошлись. Жеребец провалился по брюхо, и пока бегали в деревню за помощью, пока его вытаскивали шестеро мужиков, – кричал отчаянно, не переставая. Встать он уже не смог: сломал обе передние ноги... Чтобы избавить Грая от мучений, поселковый милиционер вставил ему в ухо дуло револьвера и нажал на курок. Грай дёрнулся и затих. Милиционер опустился на колени, закрыл мерину глаза и погладил его по сухой красивой голове, прощаясь. – «Отбегался. Земля ему пухом...». Смахнул со щеки слезу и не оглядываясь зашагал к поселковому правлению.

– Грай! – обрадованно крикнула Маша, и жеребец, узнав её голос, призывно заржал. Вылечили всё-таки Грая! Наложили гипс, и кости срослись, а про милиционера дедушка пошутил, нарочно придумал. Маша тогда разревелась, но бабушка запретила плакать: «Сопли утри, и чтоб я не видела! Ишь чего удумала, по скотине плакать...» – и замахнулась на внучку полотенцем. Маша убежала от неё к Мишке Коломину и всласть наплакалась, уткнувшись носом в его плечо и горестно всхлипывая. Мишка был настоящим другом и как никто умел утешать. «Ну, будет, будет...: Ну, умер, что ж теперь делать... Ну, будет тебе...» – гудел Мишка на одной ноте, обнимая Машу за плечи и глядя по вздрагивающим от рыданий лопаткам. Впрочем, плакать Мишка ей не мешал. Наревевшись до икоты, Маша нечаянно уснула, привалившись головой к его плечу. Плечо затекло и немилосердно ныло, но мальчик сидел не шевелясь и не меняя позы. Ничего, он потерпит. Он же мужчина, а мужчины умеют терпеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.